

Когда Эйнштейн написал Фрейдю, чтобы спросить его, может ли наука может способствовать миру во всем мире, Фрейд отвечает: не очень. И воспользовался случаем, чтобы указать: Эта наука тоже начинается и заканчивается мифом.

— Говард Немеров,

«Эйнштейн, Фрейд и Джек»

Террористический акт 11 сентября 2001 г. был зверски бесчеловечным, но люди, спланировавшие и осуществившие эти акты, не были бесчеловечными. Их личные мотивы, о которых мы знаем очень мало, для осуществления такого монументального разрушения были тесно переплетены с более известными и сформулированными мотивами большой группы, к которой они принадлежали, — «Аль-Каиды». События и последствия 11 сентября, в том числе тенденция в США делить мир на тех, кто «с нами» и тех, кто «против нас», обострили необходимость дальнейшего понимания человеческой природы, особенно отношений между отдельными лицами и их большими группами, а также между самими большими группами.

Эта книга не о 11 сентября или терроризме или более недавних событиях в Афганистане и Ираке как таковых. Скорее, она исследует, как **определенные универсальные элементы человеческой природы объединяются, чтобы создать атмосферу**, которая одновременно порождает насильственные агрессивные действия, такие как теракты или война 11 сентября, и позволяет подавлять права и свободы личности, например при репрессивном тоталитаризме или даже, что более тонко, в демократическом государстве, озабоченным проблемами «национальной безопасности». Эта книга посвящена **идентичности больших групп**, тому, как общества, находящиеся под угрозой, подвержены **регрессии больших групп** и тому, как политические лидеры **могут манипулировать этой регрессией**. Концепция идентичности большой группы описывает,

как тысячи или миллионы людей, большинство из которых никогда не встретятся в жизни, связаны сильным **чувством тождества**, принадлежащим к одной и той же этнической, религиозной, национальной или идеологической группе.

Интересно, что идентичность большой группы — это не то, на чем мы сознательно сосредотачиваемся в своей рутинной, повседневной жизни. Мы не просыпаемся утром, чувствуя себя египтянами, вьетнамцами или американцами. Принадлежность к большой группе не обязательно приходит нам на ум, когда мы идем или едем на работу, даже если во время путешествия мы можем видеть **символы этой групповой идентичности**, такие как флаг. Наши отношения с нашей большой группой в обычное время подобны дыханию. Мы дышим постоянно, и мы не осознаем этого, пока кто-нибудь не напомнит нам о том, что нам нужен воздух, чтобы выжить. Подумайте о пневмонии или о том, что вы находитесь в задымленном здании: в этих обстоятельствах нам не нужно доводить до нашего сведения нашу потребность в дыхании; мы мгновенно осознаем каждый вдох, который делаем. Если **наша идентичность большой группы** подвергается нападкам, мы ведем себя как человек с пневмонией или в горящем здании; **мы остро осознаем нашу принадлежность к большой группе** и ее воспринимаемые характеристики, **наши эмоциональные вклады в нее** и то, насколько мы «похожи» на тысячи или миллионы других людей, которые также принадлежат к этой большой группе. В то же время мы отделяем себя от тех, кого считаем отличными от нас. В таких обстоятельствах мы видим, как наше индивидуальное ощущение себя, **наша личная идентичность переплетается с нашей идентичностью большой группы**. Мы можем даже почувствовать, что быть египтянином, вьетнамцем или американцем может быть важнее, чем быть Абдуллой, Фуонгом или Стефани.

Угрозы абстрактному психологическому творению, которое представляет собой идентичность большой группы, вызывают общую тревогу, и это может привести к **социальной регрессии среди членов большой группы**.

В общих чертах регрессия у человека включает возврат к некоторым психологическим ожиданиям, желаниям, страхам и связанным с ними психическим защитным механизмам более ранней стадии человеческого развития. Например, в течение многих недель после терактов 11 сентября Бет, американка, живущая в Вирджинии, ела только макароны с сыром. Ее пищевое поведение представляло **личную регрессию**; когда Бет была ребенком, ее мать кормила ее макаронами и сыром всякий раз, когда Бет волновалась. Мать Бет, которая жила в Нью-Йорке, 11 сентября не пострадала напрямую. Бет знала, что ее мать пережила нападение на Всемирный торговый центр, но она бессознательно боялась, что ее мать умерла или была близка к смерти. Регрессируя и питаясь только макаронами и сыром, она использовала психический механизм, который поддерживал ее мать «в живых». Несколько недель спустя ее мать приехала навестить ее, и, увидев ее, Бет перестала одержимо есть макароны с сыром. Теперь она «знала», что ее мать жива,

Большие группы также регрессируют. Такие действия, как *сплочение вокруг лидера, демонстрация флагов, попытки «очистить» группу* от тех, чьи имена или цвет кожи предполагают, что они могут быть связаны с врагом, и *разделение мира* на конфликтующие цивилизации могут быть связаны с такими понятиями, как патриотизм и национальная безопасность. Но они также являются аспектами регрессии больших групп, как я проиллюстрирую. Таким образом, реалистические попытки группы почувствовать себя в безопасности сливаются с проявлениями человеческой природы в условиях стресса, и в некоторых областях реальность и фантазия становятся размытыми. Регрессия сама по себе не хороша и не плоха; это человеческое состояние, которое проявляется у отдельных лиц и больших групп. **Но регресс в больших группах подвержен манипуляциям со стороны политических лидеров.**

Отношения между политическим лидером и его или ее последователями скорее напоминают оживленную улицу. В обычное время трафик — информация и принятие политических решений, а также другие средства влияния — плавно течет в обоих

направлениях между влиянием лидера и осведомленностью общественности. Естественно, поток иногда больше в одном направлении, а иногда в другом, как в час пик на оживленной трассе. В других случаях, однако, по тем или иным причинам улица официально объявляется «односторонней» от лидера к публике: это видно в политической пропаганде тоталитарных режимов. Даже в демократических странах, во времена кризиса и террора, больше внимания уделяется «трафику», идущему от лидера/правительства к публике, поскольку общественность ищет «спасителя», чтобы защитить себя, свою личную и групповую идентичность.

Лидеры и правительства могут преувеличивать «необходимость людей иметь врагов и союзников»¹. Некоторые лидеры могут помочь людям различать, где кончается реальная угроза и где начинается фантазия об угрозе, «национальные интересы», но и их собственные личностные характеристики могут усилить опасности, усилить тревогу и помочь группе оставаться в регрессе, что само по себе будет иметь дальнейшие социальные и политические последствия. Во времена кризиса и террора лидеры могут исцелять или отравлять своих последователей.

Регрессия большой группы нарушает то, что покойный психоаналитик Эрик Эриксон называл базовым доверием. Эта концепция описывает, как ребенок учится чувствовать себя комфортно, отдавая свою безопасность в руки опекуна; развивая базовое доверие, ребенок, в свою очередь, открывает, как доверять самому себе. В нормальных обстоятельствах взрослые также зависят от доверия к себе и другим, чтобы оставаться дееспособными гражданами. Без базового доверия, например, я не смог бы сесть в самолет без крайней тревоги, потому что я не чувствовал бы себя комфортно, отдавая свою жизнь в руки конструкторов, строителей и пилотов самолета. Базовое доверие настолько фундаментально, что те, у кого есть функциональное базовое доверие, даже не подозревают об его использовании². Как только **базовое доверие** членов группы поколеблено, оно извращается и заменяется **слепым доверием**. В такой **социальной**

регрессии мы склонны следовать за лидерами, их взглядам и направлениям, независимо от того, являются ли они репаративными или деструктивными.

Прежде чем продолжить, я должен добавить, что большие группы, как я их здесь описываю, не говорят в один голос; они включают подгруппы, и каждая подгруппа состоит из людей с различными моделями мышления и чувств. Однако, когда я пишу о процессах в больших группах, я имею в виду общие наблюдаемые модели мышления и чувств, которые в значительной степени разделяются группой. Например, когда я говорю о большой группе, состоящей из последователей определенной идеологии, я не акцентирую внимание на инакомыслящих, какой бы интересной ни была их психология. Кроме того, как я покажу, *чем больше большая группа находится в состоянии стресса, тем больше исчезают индивидуальные различия в мышлении и чувствах в ответ на травму.*

Цель этой книги — проиллюстрировать, как манипулирование регрессией большой группы и сопутствующие ей **ритуалы больших групп**, направленные на сохранение, защиту и восстановление идентичности, могут создать атмосферу, созревшую для невыразимых, кажущихся бесчеловечными актов насилия. Изучение психологии больших групп и отношений между лидером и последователями дает нам более широкое представление о том, что происходит в международных отношениях помимо обычных экономических, правовых, военных и других проблем реального мира, которые обычно считаются объяснением таких явлений. насилие.

После 11 сентября руководство и средства массовой информации в Соединенных Штатах в первую очередь сосредоточились на местных интересах, а на другие группы ссылались в терминах выявленных врагов или союзников, разделив мир на «своих» и «чужих». Взгляд на человеческую природу, нравится нам это или нет, объединяет всех людей. Не снижая нашей бдительности в отношении реальных угроз безопасности, такой глобальный

подход, как мне кажется, может послужить цивилизации лучше, чем разжигание идеи столкновения цивилизаций, что, по сути, помогает воплотить ее в жизнь.

Окончив медицинский факультет Университета Анкары в Турции, я иммигрировал в Соединенные Штаты в середине 1950-х годов и выучился на психиатра в Университете Северной Каролины 3. Но я никогда не хотел открывать офис и заниматься частной практикой. Так я пошел по стопам родителей и двух старших сестер (и их мужей), все из которых были учителями: я стал профессором. С начала 1960-х я занимал должность в Медицинской школе Университета Вирджинии (в качестве почетного профессора с осени 2002 года), работая в тени Томаса Джефферсона, автора Декларации независимости и основателя университета.

Я окончил Вашингтонский психоаналитический институт в 1970 году и десять лет занимался клинической работой и преподаванием, когда за полмира от меня произошло событие, которое имело решающее значение в моей профессиональной жизни, хотя сначала я не осознавал его значения. В 1977 году тогдашний президент Египта Анвар Садат совершил исторический визит в Израиль; обращаясь к Кнессету (израильскому парламенту), он заявил, что 70 процентов проблем между арабами и израильтянами носят психологический характер. Впоследствии комитет по иностранным делам Американской психиатрической ассоциации (АПА) разработал планы по изучению предложения Садата: исследовать психологические аспекты арабо-израильских отношений и изучить, как определенные этнические настроения создают сопротивление мирному разрешению конфликта между противоборствующими сторонами. В период с 1980 по 1986 год я участвовал в ряде неофициальных египетско-израильских диалогов (в течение последних трех лет в этих диалогах также участвовали палестинцы) в качестве члена комитета АПА.

Я потихоньку стал отходить от понимания внутреннего мира личности; хотя я продолжал наблюдать отдельных пациентов вплоть до 1998 года, психология больших групп и

манипулирование массовыми движениями были моим главным объектом исследований в течение последних двух десятилетий.

Я быстро понял, что моей собственной подготовки врача и психоаналитика будет недостаточно для полного понимания психологии больших групп и отношений между лидерами и последователями. Мне требовалась помощь дипломатов, политологов, историков и других, и мне нужно было получить достаточные знания об их традициях и методологиях. В 1987 году под эгидой Медицинской школы Университета Вирджинии я организовал **Центр изучения взаимодействия разума и человека (CSMHI)**, чтобы продвигать это слияние дисциплин: учреждение, уникальное, насколько я знаю, для медицинских кругов, CSMHI насчитывает психоаналитиков, психиатров и психологов, а также политологов, историков и бывших дипломатов среди своих преподавателей.

Коллективно и по отдельности профессорско-преподавательский состав CSMHI работал во многих регионах мира, где существовали или существуют в настоящее время межэтнические, расовые, религиозные или другие межгрупповые трения и насилие: из Южной Осетии, региона в пределах правовых границ Республики Грузия, которая вела кровавую войну с грузинским правительством после провозглашения своей независимости в начале 1990-х годов, в преимущественно афроамериканскую общину Блэквелл в Ричмонде, штат Вирджиния, где незаконные наркотики, убийства и неблагополучные семейные условия являются обычным явлением.

Таким образом, Анвар Садат, которого я никогда не встречал, изменил ход моей карьеры. Постепенно я оставил пост традиционного психоаналитика (за кушеткой) и стал участвовать — разумеется, неофициально — в деятельности за столом переговоров между противоборствующими или враждебными группами, такими как арабы и израильтяне, *русские и эстонцы**, турки и греки, грузины и южаные осетины. Как и следовало ожидать, мой путь от безопасности моего клинического кабинета к неопределенности травмированных обществ и жару интенсивных переговоров был полон сопротивления.

Совершить «путешествие» с пациентом в его или ее внутренний мир с обычного места психоаналитика за терапевтической кушеткой — это одно; совсем другое дело — сидеть между представителями оппозиции или врага, бросающими друг другу резко агрессивные настроения, или стоять среди сильно травмированных людей в ситуациях реальной и неминуемой опасности.

Психоаналитик в своем кабинете — это что-то вроде одинокой фигуры: он или она в одиночку (хотя и с участием анализанда, конечно) оценивает внутренние конфликты пациента и способы адаптации и решает, что интерпретировать и как реагировать. Но быть «боссом» ситуации, каким является психоаналитик, также может быть нарциссически приятным опытом. Хорошая подготовка в авторитетном учреждении защищает от потенциального злоупотребления этим положением «контроля», укрепляя личную и профессиональную честность аналитика и его знания о себе; именно по этой причине в принятых школах психоанализа будущие психоаналитики должны сами пройти анализ со старшим коллегой в рамках своего обучения. Но как только я начал включаться в международные, межэтнические и другие крупногрупповые процессы, я уже не контролировал ситуацию передо мной. В море запутанных конфликтов часто было трудно просто разобраться в разворачивающихся событиях, не говоря уже о том, чтобы выяснить, какие скрытые общие психологические процессы с ними связаны. Кроме того, время от времени я общался с мировыми лидерами и другими крупными общественными деятелями, среди которых были Михаил Горбачев, Джимми Картер, Ясир Арафат и Десмонд Туту. Для меня было важно проработать эмоции и восприятия, которые вызывало у меня общение, пусть даже краткое, с такими «знаменитостями». Как я мог оставаться «нейтральным»? Как я мог укротить свои собственные предрассудки? Мне предстояло проделать большую внутреннюю работу, чтобы приспособиться к моей новой карьере.

Когда дело касается этнических, национальных, религиозных или идеологических настроений, психоаналитики, как и дипломаты и все остальные, могут проявлять предубеждения и реагировать на манипуляции со стороны политических лидеров. Тренинговый анализ — если будущий психоаналитик не страдает злокачественными предубеждениями и/или паранойей, в этом случае эти вопросы поднимаются на кушетке — обычно не имеет эффективного отношения к чувствам большой группы. Сам Зигмунд Фрейд, возможно, даже не подозревая об этом, усвоил определенную степень европейского этноцентризма и склонность к стереотипизации и очернению других культур. В переписке с Альбертом Эйнштейном⁵ Фрейд делал некоторые «расистские» замечания о "тюрьках и монголах". Он также в шутку называл своих пациентов «неграми»⁶. Это не обязательно были злобные или ненавистные нападения, и расизм в целом был распространен в определенной степени в Европе конца девятнадцатого и начала двадцатого века. Фрейд, возможно, идентифицировал себя с агрессором в попытке защититься от растущего антиэмитизма, но его замечания, тем не менее, **должны служить напоминанием психоаналитикам о том, что наш собственный личный анализ, самоанализ, а также обширное изучение и обучение человеческой природе не так легко освобождают от инвестиций в определенные культурные нормы, установки нашей собственной большой группы или даже в расизм.** Психоаналитик, работающий над этническими, национальными или другими проблемами больших групп, должен получить непосредственный опыт работы со многими культурами и должен проработать, насколько это возможно, свои собственные предубеждения. **Я давно пришел к выводу, что точно так же, как я не стал бы брать в анализ друга или члена семьи, я не стал бы ключевой фигурой, вовлеченной в неофициальный дипломатический проект, в котором моя собственная большая группа была стороной конфликта.**

Как психиатр и психоаналитик, я проделал свою долю работы с небольшими «терапевтическими группами» и давно был знаком с типичной для таких групп

психодинамикой. Специалисты в области психического здоровья часто ошибочно применяют свои знания о небольших терапевтических группах или организациях, состоящих из нескольких сотен членов⁸, к психодинамике больших этнонациональных, религиозных или идеологических групп, состоящих из сотен тысяч или даже миллионов членов. Я пришел к убеждению, что психологию *больших групп* нужно понимать как *самостоятельную динамику*. Поскольку большие группы состоят из индивидуумов, индивидуальная психология, очевидно, будет отражаться как общее явление в психологии больших групп. Тем не менее, я пришел к выводу, что *психология больших групп, однажды инициированная, начинает жить своей собственной жизнью*. Например, мы знаем, как человек оплакивает смерть близкого человека, как заживает его или ее психологическая рана и какие состояния могут заразить эту психологическую рану. После массовых бедствий **большие группы также оплакивают потери**. Однако процесс скорби в большой группе не обязательно аналогичен индивидуальной скорби и может влиять на общественные и политические движения, которые на первый взгляд кажутся никак не связанными с общим эмоциональным состоянием отдельных членов, прошлым или настоящим.

На ход моей карьеры повлияло несколько значительных препятствий на пути сотрудничества между психоанализом и официальной дипломатией. Некоторые из этих препятствий исходят из самой психоаналитической дисциплины, тогда как другие исходят из сферы политической науки и дипломатии, а третьи возникают, когда эти два дальних родственника действительно пытаются сотрудничать⁹. Даже когда психоаналитики обратили свое внимание на большие группы процессы и отношения между лидером и последователями, идеи, теоретически обоснованные и значимые для психоаналитиков, оказали лишь очень ограниченное влияние на политическую теорию, а дипломаты обнаружили, что они **практически неприменимы к их практическому анализу международных событий, принятию решений и пропаганде**. Основная причина такого

ограниченного воздействия заключается в том, что большинство психоаналитических теорий динамики больших групп сосредотачиваются на восприятии и опыте индивидуума его или ее собственной большой группы и ее лидеров: *например, большая группа представляет собой идеализированную мать, или лидер представляет фигура отца для отдельного члена группы.* **Вообще психология отдельных больших групп и характер отношений между большими группами сами по себе систематически не изучались.** Результатом стало довольно общее теоретическое понимание того, что большая группа и ее лидеры значат для отдельных членов этой группы¹⁰. Напротив, моя работа стремилась объяснить поведение конкретных групп и психологические компоненты конкретных исторических ситуаций. Главы, следующие за первой, посвящены **регрессии в больших группах и ритуалам в больших группах.** Во второй части исследуется **природа крайних фундаменталистских религиозных групп,** которые так беспокоят нас в настоящее время. Часть третья посвящена **политическим отношениям между лидером и последователями,** тому, как лидеры могут быть деструктивными или репаративными, и как они приручают или разжигают процессы в больших группах. В четвертой части я подробно исследую **последствия укоренившегося общественного регресса** спустя годы после того, как лидер и условия, которые он или она создали, больше не существуют. Я надеюсь, что читатель найдет новые способы концептуализации психологии больших групп и взаимодействия лидера и последователя. Эти общие выводы, я считаю, могут быть положены в основу дальнейшего изучения под другим углом террора и терроризма, в том числе самых последних событий.